

С.А. Белобородов

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ В «УРМИНСКИХ ПРЕДЕЛАХ»

(страница из истории староверия в Пермской губернии)

События, о которых мы собираемся рассказать, происходили на местности, расположенной близ нынешней границы Пермской и Свердловской областей, в условном треугольнике между поселками Кын, Шамары и Сылва. До революции они входили в состав Урминской и Кыновской волостей Кунгурского уезда Пермской губернии.

Наиболее ранние, «полулегендарные» сведения о старообрядческих скитах в Кунгурском уезде содержатся в историческом сочинении, созданном оханскими староверами около 1795 г. Здесь, в частности, говорится, что еще в конце XVII в. ревнители благочестия, бежавшие из Центральной России, расселились по рекам Сепычу, Сабанцу, Лысьве, где «жили скитами, аки монастырями многлюдными, человек по сту»¹. После разорения сепычских скитов в 1725 г. некоторые их обитатели перебрались в окрестности Спаского Сылвинского мужского монастыря, находившегося в 17 верстах от Кунгура².

Не исключая возможность подобной миграции, отметим, что более или менее значительное число старообрядцев появилось в этих краях лишь с началом строительства заводов: Лысьвинского, Кыновского, Сылвинского в 30–40-е гг. XVIII в. Впервые же документально существование беглопоповского скита в урминских лесах зафиксировано в 1738 г., когда власти получили информацию о состоявшемся «великом съезде» представителей старообрядческих общин Урало-Сибирского региона на «заимке» близ Сылвы. Организатором собора был выдающийся деятель уральского старообрядчества инок Ефрем Сибиряк (Поляков)³.

С середины XVIII в., по мере крестьянского освоения земель района, увеличилось и число скитов. Примечательно, что в это время кунгурские и урминские леса были убежищем как для поморцев, переселившихся «из внутренней России», так и для беглопоповцев (бывших жителей горнозаводских поселков и переселенцев из Пермских, Обвинских и Чердынских пределов)⁴. Однако довольно скоро представители беглопоповщины стали преобладающим согласием в регионе, почти полностью вытеснив беспоповцев.

Рост числа беглопоповских скитов в урминских пределах самым тесным образом связан с деятельностью «подзаводских расколуучителей». Количество старообрядческих пустыней, расположенных в непосредственной близости с уральскими заводами, всегда было очень значительным. Очередной всплеск активности скитников пришелся на рубеж XVIII и XIX вв. В 1781 г. известный расколуучитель инок-схимник Максим, по прозвищу Калмык, покинул окрестности Нижнего Тагила и переселился вместе с братией на «Веселые горы» (хребет в 25 – 40 км к западу от Невьянска). Именно веселогорские скиты стали своеобразной «базой» для нескольких поколений старообрядческих иноков. Еще при жизни Максима (умер в 1783 г.) в его обители появился ряд авторитетных скитников, впоследствии ставших настоятелями нескольких крупных обителей. Один из таких старцев – инок-схимник Власий (Тянигин) – в начале XIX в. возглавил скит на р. Журавлихе, неподалеку от д. Воробыи (перевалочном пункте на тайной дороге, по которой паломники шли на «Веселые горы»). Преемниками Власия были иноки-схимники Никодим и Лаврентий.

Согласно тексту «Родословия часовенного согласия», Лаврентий стал игуменом в 1835 г.⁵ Еще около десяти лет монастырь, которым он руководил, располагался на Журавлихе, но в середине 1840-х гг. большая часть скитников во главе с Лаврентием покинула обжитые места и переселилась в Урминскую волость на р. Кедровка. Возможно, причиной поспешного переезда стали меры, предпринятые властями против обитателей старообрядческих скитов. По секретно-циркулярному ордеру № 81 от 26 мая 1845 г., Главный начальник горных заводов предписал местной администрации «иметь строгое наблюдение за всеми, проживающими в заводах раскольническими иноками, дабы они не могли быть укоренителями раскола». Если же кого-либо из скитников «замечали в малейшем отступлении от правил», то таковых надлежало «строгое преследовать»⁶.

Урминская волость была выбрана скитниками отнюдь не случайно. Во-первых, одной из местных особенностей была низкая плотность населения. Как отмечали очевидцы, даже в конце XIX в. самым распространенным типом поселения здесь была усадьба хуторского типа. Деревни в 10–15 дворов считались редкостью⁷.

Во-вторых, подавляющее большинство жителей были старообрядцами. Согласно отчетам священников, некоторые приходы на половину, а иные и полностью состояли из «уклонившихся в рас-

кол». На протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. здесь сложились устойчивые традиции «скитского жития». При этом наряду со скитами, располагавшимися вне населенных пунктов, в округе было немало особых «пустыней». Как сообщал один из местных наставников: «Христиане (т.е. старообрядческие иноки. – С.Б.) у нас живут хоть и в деревнях, но в особых кельях на дворе, и с мирянами [в быту] не сообщаются, а молятся одни день и ночь»⁸.

В-третьих, урминские старообрядцы были тесно связаны с братьями по вере, проживавшими на горных заводах. Еще в первой четверти XIX в. они были «приписаны» к приходу Верх-Нейвинской беглопоповской церкви и их вполне легально «окормлял» старообрядческий священник Парамон Лебедев⁹.

В 1836 г. миссионер священник Л. Дьяконов писал: «Велик есть вред для православия от поддержания раскольнического суеверия посредством раскольнических скитов, как мужских, так и женских, и именно потому, что:

а) раскольники, проживающие в скитах, удаленные от православных приходских церквей, менее могут иметь удобных случаев к собеседованию с православными пастырями, и, следовательно, упорнейшими делаются сами в своем заблуждении;

б) скитские раскольники, имея вид притворного благочестия, по своему расколу удобнее могут чрез свои внушения утверждать в заблуждение прочих раскольников, приходящих к ним из других мест для моления или с подаениями на их содержание;

в) они, выходя из скитов в селения близкие, могут не только распространять вредное для православия учение среди самих раскольников, но и совращать православных прихожан;

г) по большей части во всех скитах проживают раскольники, именующие себя монахами, имеющие, по их мнению, право не только общественные моления совершать, но исправлять у единомышленников свои требы, особенно исповедовать и приобщать велико-возрастных и крестить младенцев;

д) женщины, вообще склонные к суеверию, а тем более зараженные расколом, проживающие в скитах, самовольно нося звание наставниц и входя в дома не только своих единомышленников, но не редко и православных простолудинов, в сообщении с ними по житейским нуждам и даже родственным связям, имеют случай беседовать с ними о вере и быть главной причиной в первых укоренения раскола, а в последних – поселения всякого суеверия»¹⁰.

Следует отметить, что Кедровский скит отца Лаврентия, возможно, был самым известным, но далеко не единственным в округе. Одновременно с ним в урминских лесах находили приют скитницы большой женской обители, основанной матушками Зинаидой и Феодорой в урочище «Черная гора» близ д. Симонята. Есть сведения о существовании скитов около д. Тепляки на р. Бизь (мужских и женских). Неподалеку (по местным меркам) от Кедровки располагался скит, который до начала 1860-х гг. возглавлял «евангельский брат» Лаврентия инок-схимник Никита. Кстати, из этой пустыни вышли известные впоследствии уральские старообрядцы Иларий (в 1890-е гг. руководивший скитом близ Черноисточинска) и Израиль (возродивший скитскую жизнь под Красноярром, близ Ревды). Одним из послушников Никиты был черноризец Геннадий (Беляев), в середине 1850-х гг. перешедший в белокриницкое согласие и ставший в 1857 г. старообрядческим епископом Пермским¹¹.

О масштабах скитского движения в Урминской волости в середине XIX столетия позволяет судить довольно необычное происшествие, случившееся в 1857 г. Беглые мастеровые Лысьвинского завода Илья Батуев (он же старообрядческий инок Иона), С. Грибанов и Ф. Мозготин напали на ехавшего по безлюдной дороге заводского служителя П. Связева. Пойманного переодели «во все крестьянское», постригли «по-кержацки» и взяли с собой «спасать душу», пригрозив в противном случае лишить жизни. Группа двинулась в урминские леса, а по дороге Иона рассказывал Связеву, что вокруг урминских деревень в кельях зимой живет около 600, а летом до 300 староверов (весной многие уходили повидаться с родственниками). Средства к пропитанию они получают за счет работы у местных жителей и в виде подаваний. Когда Связеву удалось бежать, он немедленно сообщил все властям. Администрация отнеслась к информации достаточно серьезно, и в 1858 г. прошло несколько крупных акций по обнаружению скитов. Следствием этого стало то, что «толпа бродяг из кунгурских лесов перешла в Соликамский и Чердынский уезды»¹².

Что же касается кедровских скитников, то, очевидно, они довольно спокойно пережили «выгонку» конца 1850-х гг. Неприятности настигли их лишь в 1862 г., когда представители властей обнаружили два скита и арестовали находившихся там в это время 13 человек (9 мужчин и 4 женщины), правда, по дороге в Кунгур четверым арестантам удалось бежать. Пойманных же после недо-

лкого разбирательства этапировали «по месту рождения». Именно с этого времени из среды оставшихся на свободе скитников выделился инок Нифонт (позже один из идеологов урало-сибирского старообрядчества), принявший на себя управление обителью¹³. Среди захваченных в урминских лесах иноков оказался и упомянутый выше Израиль, но вскоре он и еще один старообрядческий монах Елисей были отпущены под поручительство купца Аксенова¹⁴.

После этого около 17 лет скитники жили более или менее спокойно. Новый ощутимый удар по скитам со стороны властей был нанесен в декабре 1879 г., когда снова были обнаружены «два раскольнические скита, на расстоянии версты один от другого, в которых оказалось четыре лжеинока и один белец-послушник. Сверх того, в скитах были найдены: иконы, книги, богослужебные вещи, а также многие принадлежности женского костюма: рубашки, сарафаны, шали и т.п., что указывало на то, что в скитах, кроме иноков, жили и женщины. Но женщины успели скрыться и, таким образом, не были захвачены полицией»¹⁵.

В 1880 г. произошло еще одно событие, сыгравшее важную роль в судьбе скитников. Приведем выдержку из заметки, опубликованной в «Пермских губернских ведомостях»: «Полицейский урядник 3-го стана Кунгурского уезда Иванов, проезжая через деревню Симониты (другое написание – Симонята. – С.Б.), услышал раздавшиеся в одном доме слова: “Прячься в голбец”, почему зашел в дом и, осмотрев голбец, нашел там неизвестного человека в монашеской одежде, назвавшегося крестьянином Верхотурского уезда Мироном Ларионовым.

Случай этот возбудил особенное внимание урядника, почему, следуя от деревни Симонит к деревне Коптелы и, заметив в полуверсте от деревни Симонит в поле тропу, отправился по ней, пригласив с собою и ехавших с ним по пути крестьян. Тропа довела до раскольничьего скита в логу, в котором взяли старуху солдатку, имевшую, впрочем, письменный вид [на жительство]. Продолжая путь по тропе вдоль лога, дошли до другого скита, в котором нашли семь человек мужчин.

Забрав книги, иконы и другую утварь и сдав задержанных лиц под караул крестьян деревни Симонит, урядник отправился далее, а для охранения скита и для наблюдения, не придет ли кто еще в скит, командировал из деревни сотского, старосту и двух крестьян. Но только эти лица подошли к скиту, как их встретил выстрел и

толпа народа со стягами, что заставило посланных бежать. Преследовавшая их толпа, поймав старосту и одного крестьянина, стала бить их, требуя выдачи урядника.

В буйствовавшей толпе староста и крестьяне признали троих крестьян деревни Черной Горы, но других, за темнотою, рассмотреть не могли. Затем крестьянин деревни Симонит Михаил Телепов предложил уряднику 40 рублей, чтобы тот отпустил виновных, но урядник представил их вместе с деньгами по начальству»¹⁶.

Вероятно, именно после этого разгрома одного из «филиальных отделений» скита оставшаяся братия во главе с Нифонтом и приняла решение перебраться в Западную Сибирь. Переезд кедровских скитников на заимку братьев Колмаковых под Ялуторовск состоялся около 1882 г. Однако вместе с Нифонтом ушли не все старцы и старицы. Скитская жизнь в урминских пределах продолжалась и после переезда основной части старообрядческих монахов. В 1880 – 1890-е гг. мужскими обителями в урминских лесах руководили иноки Виссарион (Венедикт) и Кастор, женскую возглавляла матушка Акинфа (в мирской жизни – супруга Нифонта), позже вместе с группой инокинь также перебравшаяся в Ялуторовский уезд.

Кстати, именно в скиту Кастора начинал свою «духовную карьеру» инок Климент, в середине 1890-х гг. из-за внутренних разногласий оставивший урминские пределы и основавший пустынь в 25 верстах от Висимо-Шайтанского завода. В конце XIX – начале XX в. его последователи объединялись в так называемое «климентово согласие»¹⁷.

Сохранилось описание одного из кедровских скитов, оставленное очевидцем (Д.С. Колеговым), побывавшим там в это время: «[В июле 1883 г.] дошли до назначенных пределов и прибыли в деревню Кедровку Урминской волости Кунгурского уезда. Тут сначала нам говорили, что никаких старцев у них нет, и что даже про них будь-то и не слыхали, и, только потомивши нас на работе две недели, свели родительницу и сестру к матери Акинфе, а меня к отцу Виссариону (в то время он был Венедикт Григорьевич).

Вели меня верст 15 лесом, а версты три дорога была деревянная, с колоды на колоду, так что полесовщик, пройдя через нашу дорогу, может не заметить. У самой же кельи и вовсе дороги не было, одна чаща лесная. Жили мы около шести человек; женский пол к нам не пукали.

Тут жил я два года, привык к службе Божией и научился петь по крюкам и писать певческие книги и каноны. Соблазнов никаких у старцев тогда не было. Это ныне только многие живут со старухами (воспоминания Д. Колегова написаны в 1903 г. – С.Б.). В то время, если христолюбец держал наложницу, то это считалось за позор, как было это у нашего благодетеля Венедикта Григорьевича. Взял он от стариц Татьяну и прожил с ней годов пять. У этой же Татьяны оставалась племянница Анастасия. Когда она подросла, Венедикт Григорьевич, проводив первую, взял Анастасию и теперь с нею поживает»¹⁸.

В 1892 г. значительная группа старообрядческих монахинь из скитов в Ялуторовском уезде вернулась на Черную Гору. Руководила переездом матушка Александра. Однако в 1912 г. большинство скитниц вновь поменяло места обитания, переселившись сначала под д. Большая Лая Верхотурского уезда, а в 1922 г. на р. Танаевку в 40 км от Тюмени¹⁹. В 1910 – 1930-е гг. игуменьями кедровских женских скитов были матушки Еванфия (Осипова), Алевтина (Лескова), Афанасия (Воронина) и Евстолия (Домрачева). В 1936 г. немногочисленные обитатели женского пустынножительства Алевтина, Евстолия, Афанасия и еще 6 инокинь были осуждены «за уклонение от общественного труда» и высланы на 3-летнее поселение в северные районы Свердловской области²⁰.

Не исключено, что дополнительной причиной миграций кедровских скитников и скитниц стало то, что в последней четверти XIX в. монахи часовенного согласия (бывшие беглопоповцы) уже не были монопольными властителями душ местных крестьян. С этого времени край все настойчивее начинают осваивать сторонники белокриницкой иерархии («австрийцы»).

Вообще, первые сведения о появлении в урминских лесах «австрийцев» относятся еще к середине 1850-х гг. Известно, что на «Митрофановом острове» около д. Симонята проживали принявшие белокриницкую иерархию иноки Аркадий и Константин (трагически погибшие в 1857 г., недавно канонизированные Русской Православной Старообрядческой Церковью)²¹. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. эти места неоднократно посещал епископ Геннадий, который, как мы уже говорили, сам прошел скитскую школу в урминских лесах.

Активизация «австрийцев» в конце XIX в. связана с деятельностью старообрядческого епископа Антония (Поромова)²². Выхо-

дец из среды часовенных, Антоний в молодости был послушником в одном из уральских скитов (не исключено, что в Кедровском, у Нифонта), однако в 1881 г. он перешел в белокриницкое согласие. Около 20 лет жизнь Антония была связана с «австрийским» монастырем, расположенным в 115 верстах от Томска на р. Юкса. Здесь Антоний прошел путь от рядового чернеца до епископа. После выделения из состава старообрядческой Пермско-Тобольской епархии особой епископии Томской и всея Сибири, Антоний был вынужден покинуть свою резиденцию на Юксе. Именно тогда он вспомнил об урминских лесах ²³.

В 1902 г. на имя пермского губернатора А.П.Наумова поступила анонимная записка от одного из сторонников белокриницкой иерархии. В этом документе неизвестный «австриец» пытался доказать, что жалоба епископа Пермского Иоанна (Алексеева) «на нашего епископа Антония, проживающего в Урминской волости в д. Шамарах, быть-то-бы он строит какой-то монастырь – выдумка и пустые сплетни». Автор записки уверял, что «постройку ведет Сисой Харитонов Попков. Он строит две крестьянские избы, связанные одними сенями на своей усадьбе и на свое изживание»²⁴.

Далее, развивая мысль, защитник Антония писал: «...по некоторым взглядам односторонним можно признать весь район Урминской волости скитом (выделено нами. – С.Б.), потому как все жители старообрядцы живут разбросано, население очень редкое – где дом, где два, где три, меж их леса и пашни». В таком районе и живет С.Х. Попков. У него есть вдовья сестра, которая «присвоила себе подругу, а через нея познакомились с этой местностью и некоторые другие старые три девицы. Они имеют ремесло священное облачение шить, имеется у них свидетельство из ремесленной управы для чюлочного заведения. У них 3 или 4 машины чюлочных. Имеют они и учениц, и вот их составилось шесть штук, или семь, а может и восемь»²⁵. Квартирантки Попкова молятся Богу по старым обрядам, но по закону от 3 мая 1883 г. это не запрещено.

Хотя власти провели несколько негласных расследований, решение по поводу «австрийских» скитов не было принято. После указа 1905 г. о свободе вероисповеданий запретить строительство уже было невозможно, и шамарские монастыри в кратчайшее время «изрядно обустроились и изукрасились».

Главный храм мужского монастыря – во имя Вознесения Господня, освященный в январе 1909 г., был «великолепной и красивой

архитектуры. Внутри 5-ярусный иконостас. Келии братии в деревянном 2-этажном корпусе... Невдалеке стоит деревянное 2-этажное здание: внизу келарня,верху – келии его преосвященства и эконома монастыря иеродиакона Иеронима Воронова. Братии около 25 человек... В монастыре есть библиотечка, в которой много старопечатных, святоотеческих и исторических книг...»²⁶. К сказанному можно добавить, что в мужском монастыре существовала иконописная мастерская, выполнявшая заказы старообрядцев (причем не только «австрийцев») всего Урала и Западной Сибири²⁷; женская же Успенская обитель славилась своими мастерицами–вышивальщицами.

По-разному сложилась судьба мужской и женской старообрядческих обителей. До 1918 г. женский монастырь успешно «развивался и процветал как новыми постройками, так и людьми, а мужской приходил в упадок»²⁸. Некоторые из скитников переселились на новые места, другие были взяты на войну, третьи – «попали в мирские сети». Точку в недолгой жизни «австрийских» монастырей поставил отряд красногвардейцев, разоривший обители (причем мужской скит был уничтожен до основания).

В 1915 г. произошло еще одно событие, которое в силу объективных причин не имело для старообрядцев серьезных последствий. Исчерпав и без того небольшие возможности «борьбы с расколом» в Урминской волости, Пермский епископ Андроник (Никольский) утвердил план строительства в 7 верстах от Шамар Елисавето–Мариинского миссионерского монастыря²⁹. Перед революцией его населяли 12 сестер, которыми управляла игуменья Мария (Бахорева). Замыслы представителей официальной Церкви были вполне очевидны, но предпринять каких-либо действий против староверов православные инокини просто не успели.

Следует отметить, что и после окончательной победы Советской власти в Приуралье скитская жизнь в урминских пределах не закончилась. Известно, что в 1930–е гг. существовало до десятка небольших скитов, расположенных по притокам р. Сылва. Теплилась жизнь и в скиту у д. Большая Бизь, где обитали матушки Маргарита и Антониды³⁰. Последние же скитницы жили в районе еще в 1960–х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *А[рхимандрит] П[алладий]*. Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 185.

² *Луканин А.* Беспоповцы поморского толка в Оханском уезде Пермской губ. // ПЕВ. 1868. № 14. С. 226.

³ *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 102.

⁴ *А[рхимандрит] П[алладий]*. Обзорение пермского раскола... С. 44, 47.

⁵ *Нифонт.* Родословие часовенного согласия // Духовная литература староверов Востока России XVIII – XX вв. Новосибирск, 1999. С. 89, 91.

⁶ *Кузнецов А.Т.* Очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1916. № 3. С. 11.

⁷ *Куляшев А.* Торжественное освящение места для миссионерского Елисавето-Марининского монастыря в Шамарах Кунгурского у. // ПЕВ. 1915. № 21. С. 658.

⁸ *Луканин А.* Беспоповцы поморского толка... // ПЕВ. 1868. № 51. С. 823.

⁹ К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде // ЕЕВ. 1908. № 46. С. 789–790.

¹⁰ К истории православного старообрядчества... // ЕЕВ. 1906. № 18. С. 597–598.

¹¹ Подробнее о еп. Геннадии см.: *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриничкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 138–140.

¹² ГАПО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–9об. Цит. по: *Байдин В.И.* Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 159.

¹³ *Нифонт.* Родословие часовенного согласия... С. 90.

¹⁴ *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 50, 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Цит. по: *Пругавин А.С.* Старообрядчество... С. 55–56.

¹⁷ Состояние расколо-сектанства в епархии и деятельность миссии в 1903 г. // ЕЕВ. 1904. № 20. С. 550–551.

¹⁸ Мое пребывание в расколе. Из воспоминаний Д.С. Колегова // ЕЕВ. 1903. № 19. С. 574. Подробнее о Д.С. Колегове см.: *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири... С. 172.

¹⁹ *Покровский Н.Н.* Предисловие // Духовная литература староверов... С. 22.

²⁰ *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы – часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 107.

²¹ Житие святых преподобномучеников Константина и Аркадия Шамарских. Большой Камень, 1994. С. 5–6.

²² Подробнее о еп. Антонии см.: *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири... С.147–149, 163–164.

²³ [Мельников Ф.Е.] Старообрядческие скиты в Сибири // Слово Церкви. 1917. № 44. С. 723.

²⁴ ГАПО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 852. Л. 31.

²⁵ Там же. Л. 32 об.

²⁶ Вознесенский монастырь Пермской епархии // Церковь. 1912. № 21. С. 517.

²⁷ *Белобородов С.А., Гончаров Ю.А.* Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX вв. // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 211.

²⁸ [Мельников Ф.Е.] Старообрядческие скиты в Сибири... С. 723.

²⁹ *Куляшев А.* Торжественное освящение места для миссионерского Елисавето–Мариинского монастыря в Шамарах Кунгурского у. ... С. 658.

³⁰ Духовная литература староверов... С. 669.

Ю.В. Боровик

«В НАШЕЙ СТРАНЕ ТАКОВЫХ РАЗНЫХ ТОЛКОВ И РАЗ- НЫХ ПОНЯТИЙ... ПЕРЕНАПОЛНЕНО»

**(К истории некоторых старообрядческих согласий Урала и
Зауралья в начале XX в.: спасовцы, рябиновцы, самокресты)***

История существования старообрядческих согласий на Урале и в Зауралье к началу XX в. насчитывала от пятидесяти лет до двух веков, за это время все они, от «австрийцев» до бегунов, стали привычным и вполне традиционным явлением. Однако ими многообразие в старообрядческом мире Пермской, Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерний на рубеже XIX–XX вв. не ограничивалось. Перепись 1897 г. и обследование 1912 г. указывают на ряд немногочисленных согласий: спасовцев, рябиновцев, самокрестов. Малое число приверженцев, невысокая, в сравнении с крупными согласиями, активность в проповедовании своей веры, в которой к тому же не обнаруживалось признаков «вредного», подобно странническому, учения, зачастую выводили их из сферы пристального внимания миссионерского корпуса государственной церкви и чи-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 04–01–83106а/У.